

УДК 821.161.1-3

КОМАРОВ С. А.

ФЕЛЬЕТОНИСТИКА Е. П. ПЕТРОВА:

ТЕМАТИЧЕСКАЯ ПАЛИТРА И ЖАНРОВЫЕ ДОМИНАНТЫ

В статье очерчивается круг основных проблем, которые поднимал Е. П. Петров в фельетонах, написанных самостоятельно. В центре внимания сатирика бытовые нравы, быт, бюрократизм, проблемы развития литературы и искусства, некоторые политические вопросы. В ходе анализа акцентируются жанровые доминанты фельетонов писателя: высокая степень беллетризации факта, индивидуализация, сатирическая направленность, образные средства (гипербола, гротеск).

Ключевые слова: фельетон, сатира, художественность, бюрократизм, гротеск.

Русская литература первого десятилетия советской власти отличается разнообразием тем, творческих манер и жанровых форм. Многие писатели, ставшие впоследствии классиками XX века, начинали свою литературную деятельность как фельетонисты. Среди них – В. Катаев, Ю. Олеша, М. Булгаков, М. Зощенко. И. Ильф и Е. Петров до работы над романом «Двенадцать стульев», ставшим первым опытом их творческого сотрудничества. Е. Петров прошел свой путь писателя и журналиста, в котором основное место, на наш взгляд, следует отвести именно фельетону. Данная статья посвящена анализу идейно-художественных особенностей фельетонного наследия одного из представителей знаменитого тандема – Евгения Петрова.

Круг литературоведческих работ, касающихся ранних произведений писателя, невелик. Известные советские исследователи творчества Ильфа и Петрова Б. Галанов [1] и Л. Яновская [7] затрагивали вопрос лишь обзорно, уделяя главное внимание большим формам в уже совместной деятельности авторов. Наиболее основательно подошла к проблеме Ч. Джолдашева,

защитившая еще в 1966 г. диссертацию, сосредоточенную непосредственно на раннем, до 1928 г., творчестве двух сатириков [2]. Не приуменьшая значения данного исследования, заметим, что оно грешит идеологическими штампами, характерными для советской науки. Большой объективностью отличается работа современного российского ученого Ю. Толутановой [6], но в ее анализе фельетонистики Ильфа и Петрова подчеркивается лишь публицистический аспект. Тем актуальнее данное обращение к изучению фельетонов Е. Петрова.

Евгений Катаев начинает литературную деятельность с работы корреспондента ЮгРОСТА в Одессе. В 1923 г., так же, как и его будущий соавтор, он переезжает в Москву, где с 1924 г. работает в журнале «Красный перец», а с 1926 – в «Гудке». Кроме того, писатель публикует фельетоны и юмористические рассказы в журналах «Смехач», «Огонек», «Чудак», «Крокодил». Б. Галанов отмечает необычайное трудолюбие молодого автора, быстроту его «комической реакции», обусловленной специализацией и тенденцией к «тематизации» во многих изданиях: «В «Смехаче» один номер был детский, другой – английский, третий – приключенческий, затем – специальный номер о скуке. Петров писал «на заданную тему» в каждый номер по фельетону» [1, 58]. В отличие от ранних произведений Ильфа, которые разбросаны по страницам различных периодических изданий 20-х годов, рассказы и фельетоны Петрова издавались отдельными сборниками уже в то время: «Радости Мегаса» (1926), «Без доклада» (1927), «Случай с обезьяной» (1928), «Невероятно, но...» (1928), «Шевели ногами» (1930).

Ю. Толутанова, рассматривая творчество М. Зощенко, И. Ильфа и Е. Петрова, акцентирует гуманизм сатириков – на многие проблемы они смотрели с точки зрения простого человека, «их волновало равнодушное отношение к людям, имевшее многообразные проявления» [6, 136], – замечание, действительно, справедливое. Фельетоны Петрова, раскрывая разнообразные недочеты в работе той или иной хозяйственной сферы (железная дорога, жилищный сектор, почтовая и телеграфная связь, торговля,

образование, администрирование заводов и фабрик), подчеркивают, что корнем всех зол в новом государстве как раз и является равнодушие, сторонняя по отношению к отдельному человеку позиция.

Так, в фельетоне «Неприятность» (1927) показывается деятельность так называемых «бирж труда», основное назначение которых вроде бы само собой разумеющееся – обеспечение безработных рабочими местами. На деле, эти организации только регистрируют обратившихся, ничего им не предлагая. Или: в фельетонах «Без человеческих жертв» (1925) и «Итак, снова о почте» (1925) Петров выражает негодование по поводу безответственности работников почты, не вовремя доставляющих срочную корреспонденцию и «забывающих» о целых комплектах газет и журналов, пылящихся на складе, вместо того чтобы быть полученными подписчиками. Фельетон «А зачем дом поджигали?» (1926) повествует о чиновнике, выказавшем пренебрежение заботами нескольких семей, оставшихся без крыши над головой из-за пожара. Отремонтированный дом по распоряжению этого «ответственного лица» был сдан в аренду другим квартиросъемщикам [4].

Как видно уже из приведенных примеров, многие фельетоны Петрова, критикующие недостатки в работе различных общественных отраслей, в отличие от произведений Ильфа подобной проблематики, лишены иронии и иносказания, прямолинейны в раскрытии злободневного вопроса, чересчур серьезны по тональности. Заканчиваются они, как правило, категоричным выводом по сути описанной проблемы. Например, фельетон «О четырех пластинках» (1928), описывающий факт приобретения рассказчиком пластинок с различными дефектами, заключает фразой: «Все вместе – возмутительное, наплевательское отношение к делу» [4, 359]. Фельетон «Особые приметы» (1928) освещает случай с курсами повышения квалификации, руководство которых не обеспечило рабочих, приехавших из разных концов страны, ни жильем, ни питанием, ни собственно регулярными учебными занятиями. Авторское резюме к этой ситуации: «Кучка тунеядцев,

именующихся администрацией, обманула государство и ввела в заблуждение 25 здоровых, нужных на производстве людей» [4, 367]. Публицист так же категоричен и в фельетоне «Караул!» (1926). «...Мы не настолько богаты, чтобы позволять нашим «хозяйственным» чудакам безнаказанно проделывать свои «чудачества»» [4, 307], – завершается повествование, развенчивающее халатность чиновников одного треста, отправившего в Сибирь пассажирским поездом оборудование, перевоз которого обошелся заказчику дороже самой его стоимости. К тому же оказалось, что данная техника непригодна для работы в местных условиях. Подобные финалы способствуют усилению публицистичности произведений.

С другой стороны, сюжетная основа множества фельетонов Петрова, по сравнению с образцами жанра у Ильфа, представляется более наглядно развернутой. В них больше действия, динамики, смен ситуаций, часто они тяготеют к рассказу, но публицистичность, злободневность и фактологичность темы все-таки позволяют рассматривать их в рамках фельетонистики. Приведем лишь два примера авторского интереса к сюжетосложению. В фельетоне «Бега по НОТу» (1925) начинающий писатель отталкивается от небольшой заметки о том, что эффективность труда машинисток Госбанка значительно повысилась, когда они стали следовать НОТу (Научная Организация Труда). Петров описывает ажиотаж, охвативший служащих банка, показывает не только собственно процесс работы машинисток (вводит несколько героинь, представляющих эту профессию) и их соревнование (кто же быстрее выполнит норму), но и обрамляет основной сюжет побочными линиями. В частности, один из работников – бухгалтер Уродоналов, – как и многие его коллеги, участвует в заключении пари по поводу победы той или иной машинистки, но постоянно делает ставки невпопад, проигрывает зарплату, что приводит к ссорам с женой.

Ситуация в литературе эпохи также нашла отражение в фельетонистике Петрова. Он высмеивает такие пороки собратьев по перу, как халтура,

приспособленчество, рвачество. Так, в фельетоне «Всеобъемлющий зайчик» (1927) выведен тип бездарного поэта, для которого главное – зарабатывание денег, поэтому он пристраивает свои творения (одно из них – двухстрочное стихотворение о зайчике) в журналы совершенно разных направлений. Герой фельетона «Юморист Физикевич» (1927) безбедно живет за счет сочинения примитивных словообразований-неологизмов и каламбуров (например, «Кричит бандит Пуанкаре: / Карету мне, пуанкарету!»; «Я изобрел Сатурн! Не плюйте в сатурну!» [4, 344]), благо они пользуются спросом. «Нюрнбергские мастера пения» (1929) и «Непогрешимая формула» (1929) обличают принцип утилитарности, чуждый настоящему искусству. Но современные художники и музыканты, сожалеет фельетонист, ставят его во главу угла.

В рубрике «Веселящий газ», руководимой в «Чудаке» самим Е. Петровым, в 1929 г. было опубликовано множество заметок на литературную тематику, в большинстве их упоминались имена реальных писателей. Их, на наш взгляд, следует рассматривать как образцы «маленького фельетона». В характеристиках того или иного автора, даваемых Петровым, преобладает юмористическая окрашенность, хотя часто речь идет о довольно серьезных вещах. Например, фельетон «Литература факта», как вытекает уже из названия, посвящен деятельности ЛЕФа. Петров иронически интерпретирует известное неприятие представителями этой группировки категории вымысла в литературе. Он представляет, какими могли быть собрания сочинений классиков, если бы их печатали лефовцы. Все произведения могли бы уместиться в одном томе, где в виде хроники публиковалось нечто подобное: «Гр. А. Каренина из-за несчастной любви бросилась под поезд («Анна Каренина». Л. Толстой). У гр. Башмачкина украдена шинель стоимостью около 400 рублей («Шинель». Н. Гоголь). Студент Раскольников в целях ограбления убил старуху. Дознание производится («Преступление и наказание». Ф. Достоевский)» [3, 297]. В «Литсплетнях» фельетонист посмеивается над отсутствием в современных

литературных кругах (да и в обществе в целом) уважения к истории своей страны. «Известный поэт Д. Б.» (имеется в виду Демьян Бедный) предлагает «реформировать» памятник Минину и Пожарскому, сменив надпись на «Безыминин и Жарский» (речь идет о поэтах того времени А. Безыменском и А. Жарове).

Под названием «Хроника» Петров публикует вымышленное интервью с М. Булгаковым, в связи с постановкой «Багрового острова». Драматург рассказывает о перипетиях, которые, как правило, ожидают современного автора: «...пока напишешь пьесу, пока ее возьмут, пока ее запретят, пока она пойдет» [3, 299]. Печальной тенденции эпохи касается сатирик и в стихотворном фельетоне «Некрасов по-новому». Стилизуя классика, автор говорит о том, что сейчас популярны писатели довольно низкого уровня, и выражает смутную надежду на изменение читательского вкуса в лучшую сторону: «Придет ли только времечко, / Когда не Гумилевского, / Не «лунного» Малашкина, / Не сладкого Романова, / Не Глеба Алексеева, / Не Пильняка-Замятина – / Зелинского и Бабея / С базара понесут?..» [3, 303]. Если упоминание теперь уже почти не известных Л. Гумилевского, С. Малашкина, П. Романова и Г. Алексеева объясняется действительно художественной незначительностью их произведений, то Б. Пильняк и Е. Замятин попали в этот список из-за ожесточенной травли, которой они тогда подвергались. Что касается «приоритетных» для фельетониста авторов – «Зелинского и Бабея», – то время расставило все по своим местам: о первом сейчас никто и не слышал, творчество же И. Бабея рассматривается как одна из страниц – далеко не самая яркая – русской литературы 1920–30-х годов.

Язвительностью отличаются некоторые выпады Петрова против критиков. В одном из фельетонов предлагается небольшое интервью, взятое у представителя данной профессии. На вопрос корреспондента, почему он стал критиком, тот отвечает: «Я... с детства чувствую отвращение к литературе» [3, 304], – исчерпывающая самохарактеристика. Некий критик,

персонаж другой фельетонной зарисовки, обеспокоен тем, что в своей рецензии перепутал название спектакля, сам же текст просил не менять. Здесь сатирик высмеивает шаблонность и однотипность не только опусов современных критиков, но и самих произведений, в них оцениваемых.

Важное место в творчестве Е. Петрова занимают фельетоны по проблеме бюрократизма. Они подготовили известные тексты, созданные Петровым в соавторстве – не только собственно фельетоны, но и цикл «гротескных новелл» «1001 день, или Новая Шахерезада» (1929). Портреты чиновников в произведениях Петрова разнообразны. Тут и начальник, дорожащий мнимой репутацией – он занимается чем угодно, кроме своих прямых обязанностей, создавая иллюзию бурной и плодотворной деятельности («Его авторитет» (1926)); и чиновник невысокого ранга, вынуждающий людей сутками ожидать в коридоре («Неужели один, единственный, универсальный?» (1927)); и ревизор, постоянно превышающий полномочия («Зачем мамаша родила меня ревизором?» (1927)). В «Костре из бюрократов» (1927) сатирик предлагает собирательный портрет конторского служащего, нивелирующего потребности простых людей: «...большой, толстый нос, тусклые, заплывшие жиром глазки, сонное выражение лица. 15 автоматических ручек на груди и 2 портфеля под мышкой» [4, 335]. И далее следует комментарий глобального характера: «Нет такого человеческого облика, в котором не сидел бы бюрократ» [4, 335]. Выделяя два типа бюрократа («злой, грубящий посетителям» и «слащаво-приторный»), автор тут же замечает, что разница между ними не так велика: результата хождения к нему в кабинет (справки, печати или подписи) придется ждать очень долго.

Бюрократизм становится неотъемлемой сущностью даже тех людей, которые заявляют о необходимости борьбы с этим явлением, как герой фельетона «Великий порыв» (1927) журналист Терпейский. В своей деятельности он стремился преследовать «косный стиль бюрократических бумажек» [4, 353]. Но вдруг его самого назначили руководить неким

административным учреждением. Вернувшись в редакцию, Терпейский первым делом пишет фельетон, начинающийся словами: «Сим имею известить вас на предмет появления помянутого фельетона, каковой таковой...» [4, 354]. Так, незаметно, дух канцелярщины проник в его опусы.

В работе Ю. Толутановой упоминается о такой стороне проблемы бюрократизма в фельетонистике Е. Петрова, как исполнительные подчиненные. Своей привычкой угождать начальству они, по мнению сатирика, способствуют укоренению произвола в чиновничьих кругах. В фельетоне «О первых учениках» (1930) происхождение подобных мелких клерков, готовых выполнить самый глупый приказ вышестоящего и, по сути, равнодушных к своей работе, автор объясняет духом зубрежки и подобострастия, царившим в дореволюционных классических гимназиях. Отсутствие способности рассуждать и глупость «бумажных червей» раскрывается на образе некоего Кузьмы Егоровича из «Неожиданности» (1927). Начальник этого чиновника отдавал ему «на проработку» всевозможные договоры, и тот лишь механически их заучивал, не вдумываясь в их смысл и ничего не предпринимая по их поводу.

Многочисленные фельетоны Е. Петрова посвящены вопросам внешней политики. Они публиковались, преимущественно, в «Рабочей газете» и «Комсомольской правде». Написанные как отклики на те или иные события, некоторые из них носят общий характер, постоянно муссируют тему противопоставления советского государства «буржуазному» миру: «Из дневника румынского короля» (1925), «Отважный исследователь» (1926), «Карл Карльсен ждет ответа», «За деревьями не видно солнца» (1927), «Братское перо» (1927), «В помощь господу-богу» (1927) и др. В частности, первый из названных фельетонов, посвященный некоторым фактам царствования Фердинанда I, доказывает идею непрочности монархии в мире, не так давно пережившем жесточайшую войну. Король Румынии живет в постоянном страхе, свои наблюдения, мысли, сны он записывает в дневник. Как раз через сновидение вводится в текст тема России: королю приснился

Николай II, посоветовавший ему, пока не поздно, уехать из страны. Так Е. Петров прозрачно выражает свою убежденность в необходимости установления социально-политического порядка, существующего теперь на его родине, и в других странах.

Уже в названии фельетона «Отважный следователь» звучит ирония по отношению к тем иностранцам, которые верят: советская страна – дикая земля, народом которой руководят люди необычайной жестокости. Начитавшись статей, описывающих ужасы советского строя, господин Буш решает своими глазами их увидеть, пережить, и, если суждено, погибнуть, доказав невозможность жизни при большевиках. Перед отъездом он пишет духовное завещание, наедается впрок, прощается с друзьями, размышляя при этом: «...я готов умереть от голода, погибнуть в застенках чрезвычайки, замерзнуть в московских сугробах и даже преждевременно быть растерзанным свирепыми пионерами» [4, 293]. Действительность оказалась не такой страшной, герой не нашел в СССР ни голода, ни нищеты, ни тотальной несвободы, он общался с приятными, умными людьми, искренне верящими в справедливость нового социума. Этим произведением автор проводит мысль о том, что личные контакты помогают рассеять тенденциозную информацию о жизни в государстве другой общественной формации.

Жанровую принадлежность целой группы фельетонов Петрова на политическую тематику можно обозначить как «фельетон-портрет». В их центре – сатирическое изображение той или иной политической фигуры Запада, деятельность которой неприемлема для советского государства. Например, в фельетоне «Про белого бычка» (1926) речь идет о премьер-министре Франции А. Бриане, на протяжении многих лет (одиннадцать (!) сроков) занимающем этот пост. Фельетонист акцентирует внимание на неизменности «бедственного» положения простых французов, уже не желающих «слушать бесконечные сказки о белом бычке» [4, 299]. В «Любителе штрафов» (1927) высмеивается политика испанского диктатора

М. Примо де Риверы, предпочитающего женщин, лошадиные скачки, бои быков заботам о благе народа. Главное действующее лицо фельетона «Из жизни разбойников» (1927) Р. Пуанкаре предстает перед читателем подсудимым вымышленного суда, его обвиняют в незаконном приобретении земель и нефти. В качестве параллели, способствующей раскрытию образа французского премьер-министра, показывается еще один судебный процесс – над бандитом-рецидивистом Ванькой Хрящем. Так автор проводит мысль о том, что Пуанкаре – такой же бандит, только более крупного, международного, масштаба.

Два фельетона – «Человек дела» (1927) и «Начало карьеры» (1927) – посвящены Б. Муссолини. Оба они построены как серии диалогов, из которых создается портрет фашистского диктатора. «Деловитость» дуче в первом произведении проявляется в общей атмосфере слезки и доноительства, насаждаемой им на разных уровнях социальной лестницы. Прежде всего, политическим сыском занимаются обыватели, люди низших слоев (к примеру, дворники, швейцары, извозчики), затем – чиновники и т. д. В «Начале карьеры» подчеркивается, что для фашистского лидера важны низменные свойства человеческой натуры: отсутствие моральных принципов, подлость, цинизм, страсть к убийству и разрушению. Автор фельетонов подчас чрезвычайно прямолинеен в создании сугубо негативных образов политических деятелей, враждебных советской власти, в выражении своего отношения к ним.

Таким образом, жанровые доминанты политических фельетонов Е. Петрова, позволяющие их считать таковыми, – «злоба дня», резко сатирический пафос, элементы художественности, проявляющиеся в беллетризации реальных фактов, введении в текст вымышленных диалогов и широком использовании образных средств (эпитетов, гипербол, гротеска).

Подводя итог анализу фельетонов Евгения Петрова, созданных самостоятельно, необходимо подчеркнуть своеобразие фельетонного метода писателя. Сюжеты и характеры, обрисованные автором,

индивидуализированы, в них нет глобальных обобщений, свойственных соответствующим произведениям И. Ильфа. Петров предпочитает развернутый сюжет, часто с побочными линиями. Его фельетоны, без преувеличения, можно назвать «беллетризованными», в жанровом отношении они близки к рассказам.

В воспоминаниях В. Ардова встречаем следующее наблюдение о фельетонистике Петрова: «Органический, ненадуманый юмор отмечал эти ранние вещи. Фельетоны были традиционного склада – в манере Аверченко, с легким и забавным диалогом, со смешными преувеличениями и натяжками...» [5, 98]. Безусловно, творчеством редактора «Сатирикона» влияние на авторский почерк Петрова не ограничивается. Подробное исследование интертекстуальных связей его фельетонистики составляет перспективу разработки темы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Галанов Б. Илья Ильф и Евгений Петров / Б. Галанов. — М. : Сов. писатель, 1961. — 310 с.
2. Джолдошева Ч. Т. Раннее творчество Ильи Ильфа и Евгения Петрова : автореф. дис. на соиск. науч. степени канд. филол. наук / Ч. Т. Джолдошева. — Фрунзе, 1966. — 20 с.
3. Ильф и Петров в журнале «Чудак» / вступ. заметка, публикация и коммент. А. Ильф // Вопросы литературы. — 2007. — № 6. — С. 261—312.
4. Ильф И. Собрание сочинений : в 5 т. / И. Ильф, Е. Петров. — М. : Худож. л-ра, 1961. — Т. 5. — 1961. — 743 с.
5. Петров Е. П. Мой друг Ильф / Е. П. Петров. — М. : Текст, 2001. — 351 с.
6. Толутанова Ю. Н. Советская сатирическая публицистика М. Зощенко, И. Ильфа и Е. Петрова двадцатых – первой половины тридцатых

годов : дис. канд. филол. наук : 10.01.10 / Толутанова Юлия Николаевна
— М., 2005. — 232 с.

7. Яновская Л. М. Почему вы пишете смешно / Л. М. Яновская. — М. :
Наука, 1969. — 216 с.

КОМАРОВ С. А.

ФЕЙЛЕТОНІСТИКА Є.П.ПЕТРОВА: ТЕМАТИЧНА ПАЛІТРА І ЖАНРОВІ ДОМІНАНТИ

У статті окреслюється коло основних проблем, які порушував Є. П. Петров у фейлетонах, написаних самостійно. У центрі уваги сатирика обивательські звичаї, побут, бюрократизм, проблеми розвитку літератури і мистецтва, деякі політичні питання. У процесі аналізу акцентуються жанрові домінанти фейлетонів письменника: високий ступінь белетризації факту, індивідуалізація, сатирична спрямованість, образні засоби (гіпербола, гротеск).

Ключові слова: фейлетон, сатира, художність, бюрократизм, гротеск.

KOMAROV S.

E.P. PETROV'S FEUILLETONS: THEMES AND GENRE DOMINANTS

The paper outlines a circle of main issues raised by E. Petrov in his feuilletons. The focus of the satirist – philistine morals, mode of life, bureaucracy, problems of the development of literature and art, some political issues. In course of analysis attention is drawn to the genre dominants the writer's feuilletons: high degree of belletrization of fact, individualization, satirical tendency, stylistic devices (hyperbolization, grotesque).

Key words: feuilleton, satire, high artistic value, bureaucracy, grotesque.

Стаття надійшла до редколегії 4.06.2013 р.

